

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Кемеров В.Е.

Доктор философ. наук,
руководитель Ведущей научной школы, УрФУ,
Екатеринбург.

ДВОЯЩИЙСЯ ОБРАЗ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Viacheslav E. Kemerov

D. Sc in Philosophy,
full Professor of department of Philosophy,
the Head of Leading scientific school. Ural Federal University, Ekaterinburg

DUAL IMAGE OF SOCIAL HISTORY

Abstract. The article describes two actually existing concepts of social history. One is based on representation of history as past. The second - on investigations of social history as the process of activity of people. They contain the latent assumptions and installations. A problem of the article: to reveal these assumptions and installations, to define their theoretical-methodological resources and practical orientations, their dependence on a condition of modern social science and philosophy, their influence on definition of prospects of social life and knowledge.

Аннотация. В статье показаны две фактически существующие концепции социальной истории. Одна базируется на представлении истории как прошлого. Вторая опирается на тезис: человеческая история есть процесс деятельности людей. Они опираются на скрытые допущения и установки. Задача статьи: выявить эти допущения и установки, определить их теоретико-методологические ресурсы и практические ориентации, их зависимость от состояния современного обществознания, их влияния на осмысление перспектив социального бытия и познания.

Key words; history and terminology, macro and microsociology, social process and selfrealization of human individuals, social dynamics and evolution of social chronotop.

Ключевые слова: история и терминология,, макро и микросоциология, социальная история и самореализация человеческих индивидов, социальная динамика и изменения социального хронотопа.

История и магия слов

В современных разговорах об истории неизменно присутствует фраза «История не имеет сослагательного наклонения». С небольшими вариациями она распространилась в повседневных дискуссиях, в журналистской, политической, научной, сферах. Её частое употребление придаёт ей аксиоматический вес. Иначе говоря, почти исключается вопрос «А если история имеет сослагательное наклонение?»...

Отмеченная выше фраза могла бы быть принята в качестве аксиомы, если она предполагает историю как прошлое, причем, как завершённое прошлое, историю *past perfect*, историю *post festum*, как сказали бы древние. В позитивистском варианте она тогда редуцируется к вещам, к археологии, к статике, описанию следов и останков. В таком случае она акцентирует в истории значения памяти, рассказа, описания. Соответственно, историческая ответственность связывается с ответственностью перед памятью, завершённым прошлым, документом. Власть факта перекрывает значение акта, этот факт устанавливающего, фиксирующего, раскрывающего. Соответственно, на дальнем плане остается субъектность, к формированию этого факта причастного, или полисубъектность, этот факт оформляющая. Неявным образом люди отходят на задний план.

Б.Л. Пастернак в поэме «Высокая болезнь» писал:

Однажды Гегель ненароком И вероятно
наугад Назвал историка
пророком, Предсказывающим назад.

Настораживающая ирония, касающаяся и отправной фразы об истории, не имеющей сослагательного наклонения.

В прошлом двадцатом веке Дж Хоумэнс призвал вернуть людей в теорию [1]. Не менее значимым является предложение вернуть людей в историю... Но как?...

Времена

В начале – простой вопрос: а почему история – это только описание и осмысление прошлого, почему к истории не причастны другие времена, их исследования и трактовки? [2] Вслед за сомнениями вырастают предположения, исследования и конкретизации проблемы.

В девятнадцатом веке все значительнее становится идея немецкой философской классики, трактующая человеческую историю как процесс деятельности людей.

При всех оговорках можно полагать, что она оказывается в тренде, как принято сейчас говорить, практических изменений в развитии общества...

История как прошлое завершившееся оказывается под вопросом.

Если люди признаются движущей силой общественных изменений, значит и настоящее есть тоже история. Более того, если люди движимы их потребностями, интересами, желаниями и проектами, значит и будущее участвует в созидаании истории

Но тогда и память приобретает другой модус бытования: она включается в настоящее как способ коррекции и стимулирования деятельности социальных индивидов.

Меняется и взгляд на историческую ответственность. Это уже не только ответственность за совершенные деяния, а ответственность за текущую деятельность, за программы и проекты их осуществление.

История переходит из прошлого к связи прошлого, настоящего и будущего в социальном процессе.

Возникают новые мотивы в трактовке связей времени и пространства, процессов и вещей, процессов и людей. Понятия истории, эволюции, длительности, изменчивости бытия начинают теснить представления о структурах и соответствующей логике истории [3], [4], [5]. Комментируя это, можно сказать: прошлое оживает в настоящем, настоящее инкорпорирует прошлое, а будущее переживает становление в таком синтезе прошлого и настоящего.

Привычным было говорить о трех измерениях пространства. Теперь на первый план выходит положение о четырех измерениях времени; причем четвертым оказывается пространство. Такой поворот предполагает уточнение общих представлений процесса как текучести, длительности, континуальности. Соответственно, созревает необходимость в конкретизации понятия человеческой истории как процесса и его познания. Требуется его более объемная концептуализация и детализация.

Грани социального процесса

Такая работа – дело десятилетий. Она продлевается в разных условиях, с применением различных теоретико-методологических средств. Развитие этого понятия – составной элемент существенных изменений общества и его представлений.

Важнейшим условием его конкретного оформления является становление научного обществознания.

Переломным этапом в формировании научных подходов к процессу человеческой истории становится начало 19-го столетия. Английская политическая экономия выводит на первый план понятие труда как источника человеческого богатства. Определен сильный ход в трактовке динамики человеческого опыта. Акцент сделан на его вещной составляющей; собственно человеческая динамика сводится к движению вещей.

Конкретизация представлений о динамике человеческой истории осуществлена К.Марксом в его концепции практики. Он акцентировал

внимание на том, что предметное освоение и преобразование условий социального развития осуществляется самими людьми в их необходимых отношениях. Характер и содержание человеческого богатства зависит от того, как они кооперированы в обеспечении своей жизни. Динамика вещей, их стоимость и ценность обнаруживают свою зависимость от процессности человеческих сил и способностей [6]. Этот аспект концепции практики поначалу не был оценен; в различных упрощенных и догматических версиях этого подхода; концепция практики сводилась к преобразованию природы или к сведению отношений между людьми к отношениям между вещами.

Интерес к динамике человеческого бытия нарастал во всех социально-гуманитарных дисциплинах. Правда, ему препятствовало сложившееся разделение труда между ними и их подчеркнутая обособленность друг от друга. Поэтому каждая из них смотрела на динамику человеческого бытия сквозь свою узко направленную оптику.

В социологии, ориентированной в основном на позитивистскую методологию, закладывается традиция разделения социальной статики и динамики, что приведет к разведению понятий общества и истории; соответственно, социологии и исторического познания.

В психологии, дистанцирующейся от философских трактовок сознания, на рубеже двадцатого столетия новые направления обратились к динамическим аспектам психики людей [7].

Бихевиоризм, в качестве центрального, использовал понятие поведения, по сути, игнорирующее внутреннюю детерминацию активности людей и её социальную специфику. Психоанализ, напротив, сконцентрировался на внутренних импульсах, на бессознательном, но также, на первых порах не придавал существенного значения мотивирующей силе социальности.

Подчеркнем, что эти направления оказываются существенной добавкой к поискам корней динамики человеческого бытия. А также и то, что они устраняются от трактовки её социальных аспектов.

Выходом из этой ситуации могло бы быть обращение к социологии, но такой связке мешает разделение труда, сложившееся между дисциплинами обществознания. Более того, социология заражена воинствующим антипсихологизмом, задекларированным еще Э.Дюркгеймом.

Возникает методологический тупик. И он преодолевается, но не в рамках научных исследований, а на практике.

В тридцатые годы XX в. в развитых странах обозначился мощный экономический кризис. Начинаются поиски средств его преодоления. И поиски эти направлены не на сферу производства вещей, а на активизацию человеческих ресурсов экономики. В социологии, первоначально на

периферии, возникает ряд концепций социального действия. Флагманской становится теория социального действия Макса Вебера. Поиски социологов поддержаны и в сфере менеджмента, где фокус смещается на организацию человеческих отношений.

Концептуальным оказывается сдвиг внимания с отношения людей и вещей на отношения людей и людей.

До середины 20-го века социальное действие рассматривалось в основном как процесс адаптации индивидов к доминирующим нормам и стандартам; сказывалось влияние структурно-функционального анализа и соответствующей версии действия как приспособления людей к социальным формам.

Во второй половине столетия положение заметно меняется. Позиции Т. Парсонса и его сторонников подвергаются жесткой критике; главным образом по линии социального действия. Дебатируется вопрос о воздействии индивидов на социальные формы, на их креативные функции в социальном процессе.

Сам Т. Парсонс вынужден корректировать свою теорию. В ней появляются элементы динамики и процесса истории. Знаменательно,

что внимание к динамике социальных систем подкрепляется

положением о роли людей в этой динамике, системность динамики теперь приписывается самой личности [8]. Иначе говоря, динамика Больших систем открывает свою зависимость от процесса бытия человеческих индивидов.

Широким фронтом наступает социальная феноменология и этнометодология [9], [10], развивается концепция элементарного социального взаимодействия. Возникло разделение на макросоциологические и микросоциологические исследования.

В макросоциологии доминировало изучение общества как Большой структуры, в микросоциологии внимание акцентировалось на взаимодействии индивидов. Таким образом оставалась неопределенность в трактовке участия людей в социальном процессе; их присутствие, разумеется, предполагалось, но они представлялись в основном исполнителями функций, носителями социальных стандартов.

Микросоциология двигалась в колее веберовских исследований «социального действия», изучения элементарных форм человеческого поведения.

Это разделение длилось десятилетия и грозило сдвигом микросоциологии в область социальной психологии. Обострялся вопрос: как воспроизводятся Большие структуры и кто это делает?

Первоначально возникали попытки рассмотреть макросоциологию и микросоциологию как дополняющие друг друга дисциплины. Но они в основном не выходили за границы сложившихся уже представлений о второстепенной роли

индивидов, поддерживающих доминирующие структуры.

В 70-е годы появилось несколько заметных исследователей и целые направления существенно изменивших ситуацию. Так Э. Гидденс выдвигает концепцию структурирования структур, показывающую, как социальные структуры оживают и реализуются в деятельности людей [11].

Дело не просто в появлении новых взглядов, а в том, что у этих исследователей принципиально иная методологическая установка. В трактовке социального действия они выводят на первый план зависимость социальных форм от взаимодействия человеческих индивидов [12]. Меняются не просто акценты, меняется вектор понимания и изучения социальных процессов, систем и структур.

Самореализация людей как сила и форма социального

Встречное движение начинается со стороны психологии и других дисциплин, фокусирующих внимание на проблеме личности. Собственно, эта динамика перестает уже быть только проблемой психологии.

В отечественной философии и психологии появляются работы, выводящие проблему личности за рамки узкопсихологических трактовок [13], [14], [15].

В зарубежной персонологии понятия самореализации, самотрансценденции, самоактуализации перемещаются в центр исследовательских интересов. И это уже – не психологический вопрос, а проблема переосмысления социальных взаимодействий, а значит и проблема социальной истории как человеческого процесса [16], [17].

В позитивной трактовке человеческая самореализация характеризуется как важный аспект деятельности людей, как процесс, обеспечивающий постоянную «загрузку» социального воспроизводства живыми человеческими силами. Это, собственно, «сердцевина» социального процесса, «срастание» и развитие человеческих способностей, обеспечивающих постоянную пульсацию деятельности. Предметные и внешне-социальные формы последней возможны как формы деятельности только при их наполнении самореализацией людей. Это наполнение социального процесса силами человеческой самореализации – условие, без которого он просто невозможен.

Понимание этого важного пункта невозможно при опоре на представления об *отдельном индивиде* и «охватывающем» его обществе, порождающие малопродуктивные манипуляции с понятиями общественного и индивидуального. Непродуктивно оно и при жестком разграничении предметного бытия людей и их самореализации.

Осмысление этой ситуации повлияло на все социально-гуманитарные дисциплины и их связи. Доминирующая концепция – структурно-функциональный анализ – утрачивает свой авторитет. Т. Парсонс пытался реанимировать ее за

счет психоанализа и редких вкраплений историзма. Но к середине 80-х годов крах структурно-функционального анализа и его трактовки социальных индивидов стал очевиден. Вопрос о социальных системах переходил в плоскость анализа человеческих взаимодействий и их влияния на изменение системных форм. Внимание к самореализации человеческих индивидов во всех социально-гуманитарных науках и в исследованиях повседневности указывало на радикальный поворот в обществознании и стимулировало пересмотр его методологических оснований, особенно в части трактовки соотношения социального и индивидуального, социального и гуманитарного, структурного и процессного.

Понятие и практика самореализации людей далеко отходит от традиционных психологических и философских представлений, от стереотипной оппозиции коллективизма и индивидуализма. Это понятие становится конструктивным принципом трактовки общественных связей, динамики социальной истории. Нарращивание и модификация в предметах социальных качеств только потому и возможны, что в силах и умениях человеческих индивидов присутствует и реализуется их со-бытие с другими людьми, форма связи с их способностями. Если история общества – история людей, значит их жизненный процесс – важнейшая компонента социальной эволюции. И она должна быть представлена и учтена в этом качестве.

Попасть в историю или осваивать её

Двоящееся понимание истории – то как трактовки результатов, то как стремления фиксировать процесс, то как описания прошедшего, то как попытка синтеза прошлого, настоящего и будущего – оно ведь тоже продукт изменений и превратностей совместного бытия людей. Оно тоже зависит от отношения людей к тому, что они делают, к тому, что из этого происходит. Это отношение обнаруживается в повседневном бытии и научно-теоретической сфере. Само состояние исторического познания во многом определяется тем, как оно располагается в познавательном пространстве, как оно относится к его делению и связям, как воспринимает его структуру и динамику.

Ситуация обостряется, когда история является нам в виде проблемы, фиксирующей несоответствие наших воззрений на общественный процесс и его действующие силы, его средства и формы.

Часто говорят: «Мы читаем книгу истории». Это – хорошая метафора. Мы читаем историю повседневно, периодически заглядываем в прочитанное, а иногда пытаемся перелистнуть и увидеть очертания будущего. Тогда чтение начинается с того, что мы смотрим в конец ненаписанной книги, потом уже пытаемся понять непрочитанный ранее текст. Мы действуем, похоже, в манере археологов, которые стремятся представить средства и результаты деятельности людей как своеобразную оптику для описания их

жизни и взаимодействий. Иными словами мы читаем и мыслим в «противоход» процессу истории. Перспектива истории неявным образом переворачивается. Возникает вопрос: «А как сделать эту перспективу прямой»?.. В этой «прямой» перспективе результаты человеческой деятельности оказываются выведенными из состояния своей вещной одномерности, обнаруживают свое значение промежуточных продуктов, пересечений различных деятельных связей, кристаллизаций человеческих возможностей. Тогда открывается возможность иного чтения истории, в котором оживают и очеловечиваются прошлое, настоящее и будущее.

В ходе решения такой задачи – это относится прежде всего к нашему времени – историческое познание вынуждено действовать в качестве теоретического, использующего аппарат всего обществознания для реконструкции исторических событий и ситуаций.

В ситуации, когда социальные структуры обнаруживают свою явную зависимость от характера взаимодействий между человеческими индивидами, перестают быть жесткой формой построения этой деятельности, меняется и соотношение между временем и пространством. Пространство начинает терять свою базовую роль для конструирования и реализации социальных взаимодействий.

В условиях простой кооперации, основанной на непосредственно совместной деятельности, самореализация человеческих индивидов носит второстепенный характер. Соответственно взаимодействия людей привязаны к определенной территории, а, стало быть, и к локальному социальному пространству. В условиях сложной кооперации люди все более определяют свои отношения во времени. Эффект таких взаимодействий. возрастает от способности их к самореализации, не в плане их самоизоляции, а в смысле их способностей к усложнению собственной деятельности, в их самоактуализации во все более широком социальном пространстве. Это сопряжено и с технологической оснащённостью социального пространства. Открывается прямая зависимость последнего от самореализации людей. Технологический потенциал социальности зависит от качества человеческой деятельности.

Итак, намечается поворот в трактовке отношений между временем и пространством. Если прежде отдавалось предпочтение характеристикам времени через формы пространства, то теперь все чаще пространство определяется через формы времени. Тем более, что социальное пространство оказывается относительно освоенным и относительно замкнутым [19].

Проблема совпадения времени с технологической оснащённостью социальных индивидов и их самореализацией перестает быть заботой отдельной дисциплины обществознания

В эпоху уплотнения социальных связей между индивидами, странами и регионами, распределения производств между разными локациями, развитием скоростных видов транспорта, интеграции научных исследований между разноместными “невидимыми колледжами” логика пространственных связей утрачивает свое прежнее значение. Процесс ускорения информационных сообщений еще более стимулирует этот процесс. Как пишет З. Бауман: “Время приводит к девальвации пространства” [20].

Бытие во времени перестает быть метафорой; оно становится работой людей по связи разных пространств, по синтезу разных действий, сил, знаний и умений. Так происходит на практике. Но эта практика требует осмысления всеми дисциплинами обществознания и прежде всего философией. Сложности хронологических связей социально-исторического процесса не может выявить и представить только одна дисциплина. Каждая из них вынуждена заниматься ими в пределах своей предметно-методологической ориентации.

Это еще не синтез дисциплин, ибо на пути его встает стихийное разделение труда, сложившееся на рубеже XIX и XX столетий. Методологически значимым становится осмысление расчленения общества как объекта познания и границ между дисциплинами, возникшего вследствие этого.

Существенно важным становится осознание тенденции, показывающей, что не разделенность дисциплин стимулирует связанное отображение бытия социальных индивидов, а полисубъектность социального процесса определяет весомость научных методов как разных способов отображения социальной истории, соответственно, - формирования дисциплинарных предметов. Предметность и методология отдельных дисциплин обществознания далее не предопределяются разделением труда между ними.

Сдвиг парадигмы социально-гуманитарного познания упирается в проблему интеграции

обществознания. Этот сдвиг предполагает разработку хронологической трактовки социального бытия в анализе всех аспектов взаимодействий между человеческими индивидами. Далее следует разработка представления о социальной картине современного общественного мира. Но это неизбежно осложняется разделенностью деятельности между дисциплинами социально-гуманитарного познания.

Дальнейшая доработка картины современного социального мира стимулирует ее многомерное и объемное моделирование, завершающееся или базирующееся на схемах социального взаимодействия человеческих индивидов.

Обращаемся ли мы к прошедшему, настоящему или ближайшему будущему, этот вопрос становится базовым. Это вопрос о возможности самого *социального процесса*. Все социально-гуманитарные науки по-особенному, со своих установок, со своими средствами и инструментами, будут отвечать на этот вопрос

Задача «вернуть» людей в историю превращается для исследователя в комплекс вопросов по композиции конкретной картины реальности. В ней будут представлены конфигурации разделенного и связанного в социальном хронотопе со-бытия человеческих индивидов, трансформирующего «логику вещей» в социальную историю, в которой живут и действуют люди.

References

1. Homans, George. - Bringing men back in // American Sociological Review, 1964, v. 29. #3, pp.809-817
2. Simon, B.S. (2019) - History in times of Unprecedented Change. London. Bloomsberg Academic. 2019
3. Бергсон - Бергсон А. Творческая эволюция . Мн., Харвест. 1999. (Bergson, Henri - *L'évolution créatrice* . Russian translation).